

Часть 3

Мне хотелось куда-нибудь вернуться... Нет, не к себе домой.

В моем доме никого не было... Моя мама давно умерла, а работа отца вынуждала его постоянно колесить по всей стране. Я не думал, что сейчас смогу выдержать еще и одиночество у себя дома.

Я абсолютно никак не мог этого вынести. Но все же мне хотелось куда-нибудь вернуться...

Прежде, чем я осознал это, я уже был в одиночестве на берегу и смотрел на речную даль.

Закат был невероятно красивым... Так что, какое-то время я стоял и плакал...

— Что же, черт возьми, я делаю...

Кто-то однажды сказал, что влюбиться в первый раз – это всегда проклятие. Прямо сейчас я думал, что это, скорее всего, правда.

Осознаю, что это невозможно, но все равно продолжаю испытывать странное чувство любви. Все еще думаю, что мы могли бы быть вместе, если бы признались друг другу сейчас. Не сдаюсь и не теряю ни малейшей тени надежды.

Большинство первых любовных отношений, вероятно, так и закончилось. Развивались слишком медленно и превращались в безответную любовь.

«Абэ – это тот парень, чей отец – актер, и он сам недавно тоже дебютировал, верно? Что ж, я лично ненавижу такое кумовство, но он популярен и, как мне кажется, является подходящей парой для Широкусы».

Слова, которые постоянно крутились у меня в голове.

— Выходит, красивые и популярные парни получают все, а? Какого черта...

Я чувствовал, как слезы снова выступают у меня на глазах.

— Хах...

Моя голова была словно в тумане. Я не знал, злиться мне или рыдать.

Мне было больнее, чем я думал.

Действительно ли все проходят через подобное? Или они никогда раньше не испытывали настоящей любви? Потому что это слишком больно...

— *Всхлип*, гх, *всхлип*

Мои глаза уже начинали болеть. Я уткнулся лицом в колени, чтобы никто не мог видеть моих слез. Поскольку, на этот раз мои эмоции вырвались наружу... я больше не мог их сдерживать.

— Черт... черт возьми...

Широкуса была подлой.

Она беззаботно развлекалась со своим парнем, пока я страдал от всех этих невыносимых мыслей.

Счастливая Широкуса, и несчастный я...

Были ли причины для такой ужасающей разницы между нами? Разве все это не было немного несправедливым?

Разве у красивых парней и девушек не все в жизни хорошо? Они могут прожить жизнь, не зная таких страданий?

Как могло существовать такое огромное неравенство в этом мире? Это было странно. Это было неправильно. Я не был виновен. Мир был виноват. Будь у меня сила изменить мир прямо сейчас, я бы сделал это.

— ...Хару, бедняжка.

Где-то сверху прозвучали слова, пролившиеся на меня ярким сиянием.

Сладкий, как весенние цветы, запах нежно щекотал мне ноздри. Знакомый жалящий, но в то же время успокаивающий, добрый голос пропитал мои раны.

— ...Куро, ты?

Спросил я, все еще уткнувшись лицом в колени, не желая показывать залитое слезами лицо.

— Да, это я. Твоя милая и любящая старшая сестра, Хару, — сказала Куроха причудливым тоном, безуспешно стараясь меня поддержать. Но, в данный момент, я был не в состоянии ей подыгрывать.

— ...Пожалуйста, уходи.

Я не хотел, чтобы кто-либо видел меня таким. Особенно Куроха.

Я все еще был тем, кто отверг ее, даже если это и была шутка. О чем она могла думать, глядя на меня сейчас?

Было бы вполне естественно, если бы она смеялась и подшучивала надо мной.

Если она скажет мне: «Так тебе и надо!» ... Не думаю, что смогу снова встать на ноги.

Но, если она продолжит хорошо ко мне относиться... Я боялся, что могу позволить себе еще больше.

— Хару... получил отказ, не так ли.

— Нет, не получил!

Конечно, это было правдой в техническом смысле... но правдой было и то, что мое сердце было разбито.

— О-о-о, понятно.

Она использовала тот же тон и ту же манеру, которую, вероятно, использовал бы Тэтсухико в ответ на мои жалкие попытки блефовать, но, как и ожидалось от подруги детства, эффект был совершенно другим.

Не было ни гнева, ни пренебрежительных слов, только смутное впечатление, что она все поняла. Куроха бросила сумку к ногам и уселась, прислонившись своей спиной к моей.

— Э-эй, Куро.

Ее спина была такой теплой, что мне захотелось ее обнять.

Я попытался отодвинуться, чтобы сбежать, но Куроха просто последовала за мной, прилипая ко мне, словно клей, словно говоря тем самым, что она не позволит мне так просто сбежать.

— Что? Что-то случилось? У тебя какие-то неприятности? Если да, то почему бы не рассказать это мне? Тебя ведь не отвергли, правда?

— Эххх...

Это было невозможно. Куроха уже все знала.

Начиная с того, что мне нравилась Широкуса, и заканчивая тем, что мое сердце было разбито, когда я услышал ее разговор с Минэ. Куроха знала все это, но все равно была добра ко мне.

Ее привязанность была не тем, что я мог бы легко принять.

«Ха-ха, попался!»

Этими словами Куроха опровергла свое признание.

Но это было невозможно. Аннулирование признания и было настоящей ложью.

«Хару... давай встречаться».

Примерно месяц назад, в день церемонии закрытия первого семестра, Куроха призналась мне.

Когда я вспоминаю о выражении ее лица в тот день, о том, как она это сказала – я понимаю. Вне всяких сомнений, это признание было настоящим.

Когда она сказала, что всего лишь соврала мне, я принял это как факт, но, поразмыслив позже, я пришел к убеждению, что это была ложь. Несомненно, чтобы защитить меня и уменьшить нагрузку на мое и без того беспокойное сердце, Куроха объявила свое признание обычной шуткой на глазах у всех.

— Ты не можешь этого сделать, Куро. Пожалуйста, просто оставь меня в одиночестве.

— С чего бы?

— Потому что, если я поговорю с тобой сейчас, я буду только эгоистично искать заботы. А сейчас ты, наверное, все еще...

Куроха была хорошей девушкой. Милой, добродушной девушкой, чья доброта была растратчена на меня.

Я не хотел делать ей еще больнее.

Куроха положила голову мне на затылок и облокотилась на меня всем своим весом.

— ...Куро?

— Что ж, если дело только в «этом»...

— Хм?

— Если бы я сказала, что могу сделать все между нами так, как было месяц назад, что бы ты сделал?

— Как все было?.. Ты имеешь в виду, прежде чем ты призналась мне, или... ну, видимо, нет...

Куроха молчала.

Выходит, не до признания. Это значит...

— Хочешь вернуться к тому моменту, когда ты призналась мне? Ты собираешься дать мне еще один шанс ответить тебе?

«Я» из прошлого месяца был влюблен в Широкусу. Вот почему я отверг Куроху.

Но сейчас нынешний «я» был отвергнут Широкусой. Не было бы странным, выбери я из-за этого другой вариант.

Куроха сказала «да» и слегка ткнула в меня головой, все еще прислоняясь к моей спине. Она прошептала:

— Через пять секунд я перемотаю время для нас, хорошо? Начнем же. Пять...

Если я признаюсь Курохе после того, как обратный отсчет закончится, она, без сомнения, ответит согласием.

Это было невероятно заманчивое предложение.

— Четыре...

Честно говоря, я никогда ранее не рассматривал Куроху в любовном плане. Возможно, этого следовало ожидать после более чем десятилетних братско-сестринских отношений.

— Три...

Однако я не думал, что ей не хватало женственности. Я всегда находил ее большие круглые глаза милыми, и взгляд на то, как она пытается вести себя подобно старшей сестре, несмотря на ее низкий рост, пробуждал во мне защитные чувства и заставлял меня беречь ее от неприятностей.

— Два...

Я был уверен, что встречаться с Курохой было бы здорово. Уже имея отношения, в которых между нами не было секретов, мы бы вряд ли разочаровались друг в друге после начала новых отношений. Конечно, всегда был риск расстаться, но об этом можно было думать только в тех редких случаях, когда мы ссорились.

Если я буду встречаться с Курохой, меня ждет счастливое будущее. Я был уверен на все сто.

— Один...

Но... это была моя первая любовь.

— Пожалуйста, остановись, Куро.

Я прервал обратный отсчет в последний момент.

— Спасибо, Куро. За то, что была так добра ко мне после того, как я тебя отверг...

— Хару...

Меня отвергли и сделали уязвимым. Я хотел, чтобы Куроха заботилась обо мне.

Но во мне еще оставались чувства к Широкусе. Часть меня отказывалась сдаваться.

Влюбиться в первый раз было настоящим проклятием. Как бы вы ни старались от них избавиться, ваши чувства все равно будут цепляться за вас будто клей.

Выбрать в этой ситуации легкий вариант и позволить Курохе утешать меня было бы позорно.

— Куро, ты очень важный друг для меня. Вот почему я...

— ПОШУТИЛАААА!

— ...А?

Я моргнул. Я не мог понять, что только что сказала Куроха.

— Знаешь, Хару, я действительно считаю, что искренность – это добродетель, но в слишком больших количествах она может стать бременем.

— А?

— Это правда, что я призналась тебе месяц назад, но, я имею в виду, разве ты не воспринимаешь это слишком серьезно?

— Ааа?!

— Ну, приближались летние каникулы, а у меня до сих пор не было парня, так что все так совпало, понимаешь? Мне всегда весело, когда ты рядом, Хару. Поэтому, я просто подумала, а почему бы и нет? Но тот факт, что ты все еще чувствуешь себя виноватым месяц спустя... Я слышала, парни думают, что, если девушка признается однажды, это означает, что она всегда будет в него влюблена. Так, это что-то типа такого, да?

— Аааааааа?

В моей голове все это никак не укладывалось. Я очень хорошо знал, насколько спокойно моя подруга детства может относиться к определенным вещам. Но я никогда и предположить не мог, что такое отношение будет иметь место и в любви...

Погодите минутку.

А так ли это на самом деле? Тот факт, что беззаботность Курохи распространялась и на ее романтические отношения? Если бы у нее действительно не осталось чувств ко мне, смогла бы она перемотать время назад всего за пять секунд?

— Куро... ты не слишком себя перенапрягаешь?

Куроха несколько раз моргнула, выражение ее лица застыло. У нее была привычка делать так, когда она что-то скрывала.

— Что случилось, Хару? Ты снова сожалеешь, что отверг меня?

Я почувствовал фальшь в ее насмешливом тоне.

Присмотревшись, я увидел, что кончик ее пальца дрожит.

— Нет, дело не в этом... Например, ты знаешь, как ты всегда притворяешься моей старшей сестрой? В смысле, я знаю, что ты, возможно, привыкла к этому, потому что у тебя есть три младшие сестры, но это все еще долг, который ты сама на себя вешаешь, даже если я знаю, что иногда ты хочешь побыть избалованной. Однако, твое сильное чувство самоконтроля не позволяет тебе, и поэтому ты так пытаешься быть моей старшей сестрой, чтобы держать свои собственные желания и чувства под контролем. Или же я ошибаюсь?

— ...

Куроха прикрыла покрасневшие щеки руками.

— Ч-что если это так... что тогда?

— Ну, я просто пытаюсь сказать, что иногда твои действия не соответствуют твоим истинным эмоциям. Я идиот, поэтому не думаю, что смогу понять твои чувства, но я все равно ощущаю себя ужасно из-за того, что ты вынуждена лгать мне, даже если я по-прежнему тебе нравлюсь. Но... я просто не знаю, что могу сказать, чтобы все стало лучше.

— ...

Поскольку Куроха так долго сдерживала свои чувства, было невозможно предположить, что она желала быть раненой или обманутой.

Честно говоря, все было в разы сложнее, когда дело касалось друзей детства.

— Идиот.

Как только я почувствовал, как тепло Курохи покидает мою спину, она обняла меня, прижавшись ко мне сзади. В результате я почувствовал, как что-то мягкое давит сзади.

— Э-эй, Куро... Т- твоя г-грудь!

— Все нормально. Ты сделал меня счастливой, так что я решила тебя побаловать.

Охренеть не встать, женские буфера великолепны! Могли ли они быть еще мягче?! Это сводит

меня с ума!

— Знаешь, Хару, ты идиот, но в то же время порядочный парень. Даже когда тебе больно, ты все равно беспокоишься о других людях, попавших в беду, и всегда замечаешь важные вещи. Ты всегда такой добрый, вот почему...

Поглаживая мою голову, Куроха своими элегантными пальцами раздвинула мои непослушные волосы. Я макушкой почувствовал мягкое прикосновение, и без чужих подсказок понимая, что это были ее губы.

— Вот почему... я люблю тебя.

— Куро...

Ее недвусмысленные слова резонировали в моей груди. Это было невероятно неловко, даже если я не видел ее лица.

— Я расстроена, что ты не выбрал меня, но мои чувства к тебе абсолютно не изменились. Отныне и навек, я всегда буду на твоей стороне! Так что давай, Хару!

— Давай что?

— Кто решил, что мы не должны плакать перед другими людьми? Я думаю, тебе стоит просто взять и выпустить все наружу, Хару.

— Но я же отверг те...

Я успел сказать это раньше, чем Куроха сжала меня еще сильнее.

Ее грудь еще сильнее прижалась к моей голове. В результате я смог почувствовать, что ее тело дрожит.

— Даже если это и так, что с того? Значит ли это, что я больше не могу быть рядом с тобой? Если бы я не хотела быть здесь, я бы уже давно ушла. Так что, я не имею в виду ничего другого, но я думаю, что мы оба должны выпустить все наружу... Столько, сколько захотим.

— ...Ты потрясающая, Куро, ты это знаешь?

Это была способность Курохи преодолевать разные вещи с поразительной непринужденностью. Она была удивительным человеком, чьи социальные навыки позволили раскрыться ее неизведанной внутренней силе и грации.

Рядом с ее сиянием я уже не мог не чувствовать себя жалким из-за того, насколько ограничен я был своим тщеславием и неуверенностью в себе. Я решил отбросить все это и «очиститься», действительно выпустить всего себя наружу, сломать все свои барьеры!

— Что ж, я могу сказать тебе... Я был влюблен в Качи.

— ...Окей.

С Курохой я был в безопасности от различных насмешек. Она точно не стала бы никому ничего рассказывать. Я мог сказать ей, потому что очень сильно ей доверял.

— Но потом она сказала, что у нее есть парень. Я в то время думал, что между нами есть что-то... что-то хорошее, но оказалось, что все было лишь моей фантазией... я имею в виду, это просто отстой...

— ...Понимаю.

— Так что я...

На глаза опять навернулись слезы. Но, пока я позорно боролся с ними изо всех сил, Куроха подошла и прижала мою голову к своей груди.

— Куро...

— Ты должен позволить себе немного поплакать, Хару. Тебе станет лучше.

Я чувствовал себя ужасно, получая заботу от того, кого я отверг, но ее нежность так успокаивала, что мое усталое сердце больше не могло сопротивляться.

— *Хнык*, *хнык*...

— Тише, тише, это все ужасно, не так ли.

— Черт возьми... Моя первая любовь...

— М-м-м-м, у Качи-сан просто плохой вкус, правда? Хотя Хару такой хороший парень.

Каждое ее слово влияло на меня.

Я был благодарен от всего сердца за то, что, когда я тонул в печали, моя подруга детства

Куроха была рядом.

.....

.....

.....

К тому времени, как я пришел в себя, на улицах уже стояли сумерки.

Когда мы сидели бок о бок и смотрели на закат солнца, я наконец заговорил с ней.

— Куро, как думаешь, что мне теперь делать?

— А что именно ты хочешь сделать, Хару?

— Что ж, честно говоря, у меня все еще есть чувства к Качи.

Куроха с очень серьезным выражением лица слушала то, что я хотел сказать.

— Я знаю, что должен сдаться, но я не могу удержаться от мыслей о том, могу ли я все изменить, о том, могу ли я заставить ее передумать.

— Разве ты не разочарован, Хару?

Я был немного встревожен ее провокационным выбором слов.

— Я знаю, что могла бы сказать это помягче, но, Хару, твои нынешние мысли звучат так, будто ты собираешься попросить Качи-сан сжалиться над тобой...

— Ох... Разве ты не могла сказать это немного иначе?

— В смысле, это ведь правда, не так ли?

— Э-э-э, нет, но, может быть, да...

Это и было правдой и это было унижительно.

— Знаешь, Хару, я очень зла на Качи-сан. Ты говорил, что иногда вы встречаетесь с ней по

дороге из школы и весело проводите время?

— Э-э-э, ох, думаю говорил.

— Когда я это услышала, я подумала, что у тебя могут быть шансы, Хару. Я имею в виду, Качи-сан действительно ненавидит парней, не так ли? Мне, честно говоря, было немного трудно представить ее дружелюбной с тобой, когда вы двое оставались бы наедине.

— Об этом я и говорил! Вот почему я ошибся и...

— Получается, Качи-сан интересовалась тобой, но, сделав свой первый выбор, она пожелала, чтобы ей больше не надоедали? Ты такой хороший парень, Хару. Я не могу простить ей, что она выставила тебя дураком.

Я думал, что гнев Курохи можно охарактеризовать как «справедливое негодование». Гнев по отношению к случившейся несправедливости или что-то в этом роде.

Но я ошибался.

— Хару... давай отомстим.

Мое сердце пропустило удар. Я подумал, что она нашла чувства, которые я скрывал в самых темных глубинах своей души.

— Тебе ведь больно, правда? Вот поэтому мы должны отомстить.

— Куро, ты немного изменилась.

Я никогда не думал, что такое слово, как «месть» может вырваться из уст Курохи.

Куроха была кроткой в сердце, и, если бы ей дали выбор быть сухой или промокшей, она каждый раз выбирала бы первое. Такое пылкое слово, как «месть», ей совершенно не подходило.

— Изменилась? И как же?

— Как будто ты стала чуть более враждебной, что на тебя не похоже, а еще более мрачной и коварной...

— ...Может быть.

Куроха позволила себе такую редкую для нее самоуничижительную улыбку.

— Честно говоря, я всегда ненавидела Качи-сан. С давних пор.

— Серьезно?!

Это был первый раз, когда я слышал, как Куроха говорила, что ненавидит другого человека.

— Что именно в ней тебе не нравится?

— Хм, наверное, все.

— Все?! Вау, я бы никогда не подумал, что ты зайдешь так далеко, Куро!

— Я имею в виду, нам больше нечего скрывать друг от друга, верно, Хару? Мы оба выложили все свои карты, даже поговорили о том, кто нам нравится... Поначалу между нами было не так уж много преград, но теперь я чувствую облегчение, зная, что они полностью исчезли. Вот почему я выпускаю наружу все, включая гнев. Потому что я знаю, что ты примешь все это, Хару.

— Я понимаю, Куро... я понимаю.

В этот момент я почувствовал связь между нашими с Курохой сердцами.

Высказав друг другу, кто нам действительно нравится, мы в определенном смысле уже преодолели порог дружбы детства.

Обычным делом в дорамах было, что друга детства отвергали после его или ее признания, а затем говорили, что они больше не могут быть вместе, и что это конец их приключения.

Но реальность была не настолько простой. Это было только начало нашей истории.

Правда заключалась в том, что я отверг Куроху, но теперь мы были ближе, чем когда-либо прежде, и взаимно признавали друг друга теми, кому мы могли доверять даже больше из-за всего произошедшего.

— Что ты думаешь, Хару? О мести?

— ...Мсть, да? Что ж, я был немного удивлен и думал о том, что ты имеешь в виду.

— И это все?

— Блин, я действительно ничего не могу скрыть от тебя, правда? С этической точки зрения я был против, но правда в том, что я достаточно зол, чтобы тоже жаждать мести. Я хочу, чтобы она страдала так же, как она заставила меня страдать – вот что я действительно чувствую.

Это было то, что я мог сказать только Курохе и никому другому.

— Действительно? Так почему бы и нет? Давай отомстим. Но это не будет просто мсть. Это будет лучшая мсть, — произнесла Куроха взволнованно.

— Что ты имеешь в виду? Лучшая мсть?

— Ну, это зависит от человека, не так ли? Я думала, мы могли бы поговорить об этом сейчас.

— Подожди, Куро. Я еще ничего не сказал о том, чтобы действительно отомс...

Правильно, я еще не согласился отомстить. Я был достаточно зол, чтобы захотеть, но была большая разница между этим и настоящими действиями.

— Хару, я хочу, чтобы ты представил образ Качи-сан и Абэ-семпай вместе, — неожиданно сказала Куроха, наблюдая за моей реакцией.

— Э-э-э...

— Давай, просто сделай это.

Я совсем не хотел этого, но, не имея особого выбора, я насильно сконструировал их обоих в своей голове. Красавчик и прекрасная девушка – они были отвратительно подходящей парой.

— Они начали встречаться неделю назад, верно? Тогда они, вероятно, поедут на свое первое официальное свидание на следующей неделе. Если все пойдет хорошо, они должны оказаться в кинотеатре.

Девушка, которая мне нравилась, собирается в кино с красивым парнем. Эта воображаемая картина пробудила во мне желание совершить убийство.

— Темнеет, и парень начинает чувствовать себя немного храбрым. Абэ-семпай небрежно тянется к руке Качи-сан, а затем...

— Окей, притормози, притормози! Ты слишком торопишься! Этого не произойдет, по крайней мере, до третьего свидания!

Я мог представить себя хандрящим дома, узнав о подобном, все еще пытаюсь оправиться от того, что меня отвергли. Если их отношения тайно разовьются до этого момента, это будет полный провал, равносильный надругательству над моим остывшим трупом.

— Хару, твой образ мышления очень устарел. Ты, действительно, немного похож на старика.

— Ох...

— Мы говорим о парне, который дебютировал в качестве актера. Я думаю, что он быстрее других сделает первый шаг.

— Ну, это правда, но... Но я не потерплю этого!

Широкуса ненавидела мужчин. Она улыбалась только мне, или, по крайней мере, должна была.

Она все это время так же улыбалась и Абэ-семпаю? С самого начала? Или, может быть... с глазами, наполненными еще большей невинностью, и немного смущенной улыбкой?

— Затем они идут за едой и чаем, может быть, делают какие-то небольшие покупки. Возможно, они поднимутся на смотровую площадку или что-то типа того.

— Черт тебя побери, Абэ! Думаешь, ты крутой?!

— Лично я считаю, что первое время, проведенное вместе, самое важное, когда дело касается таких вещей. Когда ты делаешь что-то в первый раз, это кажется новым и необычным, правда? Когда ты сделаешь это во второй раз, ты обязательно будешь сравнивать его с первым.

Так оно и будет? Если Широкуса расстанется с Абэ-семпаем, а затем будет встречаться со мной, я все равно всегда буду для нее вторым мужчиной. Если я попытаюсь привести ее куда-нибудь на свидание, она скажет: «О, я уже была здесь раньше с Абэ-семпаем» или «Хм, я думаю, Абэ-семпай гораздо лучше справился, показывая мне все это...»?!

Грррр, я не смогу этого вынести! Пожалуйста, что угодно, только не это!

Но Куроха продолжала наседать на меня, даже если мой разум пребывал в агонии.

— Затем он ведет ее домой, потому что на улице уже темно, но когда Качи-сан на мгновение поворачивается, чтобы помахать рукой перед тем, как войти к себе домой, Абэ-семпай

внезапно останавливает ее просьбой немного подождать... пока его губы медленно приближаются к ее...

Тени Широкусы и Абэ-семпая мягко сливаются.

Лицо Широкусы краснеет, и она говорит, слегка опуская глаза: «Я позволю только Абэ-семпаю делать со мной эти грязные вещи...»

Я достиг предела.

— Ты *баная шлюха! Это нормально, если другие люди страдают, пока ты развлекаешься, а?!

Я сделал это! Я это представлял! Представил себе величественную Широкусу, полностью обвившую палец Абэ-семпая!*

[П/Р: Игра слов, либо про свадьбу, либо про секс.]

Я представил, как он будет ощущать размер ее бюста, когда Широкуса, которая ничем не уступает в этом плане идолам из различных журналов, будет лежать в его объятиях. Думаю, довольно мягко... Я также представил себе, как руки и грудь Широкусы будут прижиматься к нему, как сладко она будет пахнуть для него, и, конечно же, как будут выглядеть эти губы с оттенком красного, когда они приблизятся друг к другу, чтобы поцеловать...

— Я не могу! Я не могу этого допустить! Я их не прощу!

Чтобы не только не выбирать меня, а затем... затем делать все эти вещи!!!

— Хару... что ты не простишь? — расчетливо спросила Куроха.

— ...Хм? В каком смысле, что?

— Абэ-семпай тот, кого ты не простишь? Или это Качи-сан, которую ты не можешь простить? Кто же из них?

— Ну, я...

Понятно. Так вот о чем спрашивала Куроха.

Не простить Абэ-семпая, значило бы признать, что я все еще держу Широкусу в своем сердце. С другой стороны, не простить Широкусу, значило бы признать, что она предала мое доверие, и что моя любовь превратилась в ненависть.

Мой ответ был...

— Куро.

— Да?

— Я ненавижу их обоих!

У меня все еще были чувства к Широкусе, и я также чувствовал ее предательство. Эти две эмоции противоречили друг другу, но, несомненно, сосуществовали.

Хе-хе... верно, верно. Конечно, я ненавидел их обоих. Как я мог не ненавидеть их?

— Качи Широкуса, та шлюха, которая отвергла меня и нашла свое счастье! Я ее никогда не прощу!

— Хару, Качи-сан никогда не предавала тебя, поэтому я не думаю, что ты можешь называть ее шлюхой.

— И Абэ Мицуру! Красавчик, который ни дня в своей жизни не работал усердно, но все же имел всю удачу этого мира... стоит ли ему вообще заслуживать прощения? Даже если небеса простят его, я, черт возьми, никогда этого не сделаю!

— Ну, едва ли можно сказать, что Абэ-семпай вообще не работал усердно за всю свою жизнь.

— Куро! На чьей ты вообще стороне?!

— Я не возражаю, Хару, просто сверяю с реальностью. Так или иначе, что ты собираешься с этим делать? Или я должна спросить тебя по-другому?

Куроха встала и протянула ко мне руку.

— Виновны или невиновны?

Я злобно засмеялся, взяв ее за руку.

— **ВИНОВНЫ ПО ВСЕМ СТАТЬЯМ!** — заявил я, крепко сжимая кулак.

— Все в точности, как ты и сказала, Куро! Подойдет только лучшая месть! Ха-ха-ха, какая разница, считают ли они меня презренным? Я собираюсь отплатить за те страдания, которые я

многократно перенес!

— ...Я ждала, что ты это скажешь.

Куроха подняла мою руку и помогла мне встать.

— Я помогу тебе, Хару. Независимо от того, насколько низко мне придется пасть. Они первыми сделали с тобой все эти ужасные вещи. Мы только оказываем им ответную услугу.

— Хе-хе, Куро, я не ожидал от тебя меньшего! Все именно так, как ты говоришь!

Увидев мою подлую ухмылку, Куроха тоже расплылась в заговорщической улыбке.

Я вспомнил кое-что, о чем однажды говорили родители Курохи.

Многие думали, что имя «Куроха» отсылается к «черным крыльям», вызывая образы падшего ангела. На самом деле, ее родители вдохновлялись словом «клевер», когда придумывали ей имя. Во флористике «клевер» может означать «удачу», «подумай обо мне», «обещание», а также «месть». Точно так же, как на языке цветов были положительные и отрицательные интерпретации, Куроха, любимая обществом в целом, имела свои светлые и темные стороны.

— Это месть за мою первую любовь!

Влюбиться в первый раз – драгоценный опыт, который бывает лишь раз в жизни. Именно это сделало его прекрасным, чистым и значимым.

Растоптать эти эмоции, а потом сбежать, поджав хвост, было непростительным преступлением!

Вы так не думаете?

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/30412/1234252>